

Глава 17. Проказник

Чи Шэн втайне надеялся, что раз уж он разделил с Линь Фэйсянем опасности в горах, а после был приглашён им на Лося-фэн, то в глазах учителя он хоть капельку, но отличается от остальных.

Теперь же стало ясно: никакой разницы нет. Линь Фэйсянь, как и подобает истинному наставнику, был в равной степени милостив ко всем своим подопечным, одаряя каждого безграничным терпением и заботой.

«Вот оно как...»

Чи Шэн и раньше не смел грезить о каком-то особом месте в сердце учителя, но всё равно ощутил в груди укол тоскливого одиночества.

— Эй!

Он понуро обхватил себя за плечи, когда услышал чей-то оклик. Он обернулся и оторопел: перед ним стоял молодой господин Гунъи. Странно было видеть его на Гуу-фэне, ведь этот юноша обычно бросался наутёк, едва завидев Линь Фэйсяня.

Гунъи Лин в замешательстве почесал затылок и, подойдя ближе, проворчал:

— Слушай, насчёт того случая... когда я потащил тебя на Лося-фэн к Линьлань-цзюню. В общем, я тогда не особо подумал. Короче, извини. И хоть мне и тошно это признавать, но на этот раз придётся сказать спасибо тому типу...

Чи Шэн замер. Неужели он пришёл извиниться? Но постойте... Гунъи Лин назвал Линь Фэйсяня «тем типом»?

«Тем типом»?!

Гунъи Лин тем временем раздражённо цыкнул:

— И вообще, чем ты так досадил Линьлань-цзюню? Этот старик — известный злопамятный зануда!

Чи Шэн резонно предположил, что Линьлань-цзюнь успел что-то наговорить Гунъи Лину. Он попытался отыскать хоть какую-то зацепку в памяти, но так и не вспомнил ни одного столкновения с Линьлань-цзюнем, которое могло бы вызвать столь лютую неприязнь.

— Я не знаю, — честно ответил Чи Шэн.

Гунъи Лин хотел было добавить что-то ещё, но, глядя на озадаченное лицо Чи Шэна, только махнул рукой:

— Ой, да ну тебя! Сам разгребай! Удачи, она тебе понадобится!

С этими словами он гневно развернулся и зашагал вниз по тропе.

Чи Шэн остался в полном недоумении. Человеческий разум — потёмки. О чём они думают целыми днями?

Раньше, в Диего, все духи были порождениями чистых гор и прозрачных вод. Стоило кому-то о чём-то задуматься, как об этом тут же узнавали все в радиусе десяти ли. Чи Шэн совершенно не умел читать в сердцах людей, особенно таких непредсказуемых и бесцеремонных, как Гунъи Лин.

Спустившись с пика, Чи Шэн наскоро перекусил в столовой, заглянул в Цзанцзин-гэ за парой книг и наконец вернулся в свою тихую обитель. Разбирая вещи, он вдруг нащупал что-то в сапогах, подаренных Линь Фэйсянем.

Достав оттуда духовный мешочек, он обнаружил внутри почти сотню нефритовых жетонов.

Чи Шэн замер.

Глядя на резные, полупрозрачные камни, он почувствовал, как сердце на мгновение пропустило удар. Линь Фэйсянь был безупречен — в своём величии, в своей негромкой, почти незаметной доброте.

Чи Шэн в каком-то оцепенении пошёл готовить воду для купания.

Вода была горячей, и когда он погрузился в бочку, тепло окутало его, принося блаженное расслабление. От пара мысли сделались туманными и тягучими. Стоило ему закрыть глаза, как перед мысленным взором возник одинокий силуэт Линь Фэйсяня на заснеженной вершине горы.

Линь Фэйсянь...

Его спаситель, вырвавший его из лап смерти ещё в детстве. Человек с самым чистым и добрым сердцем в мире. Единственный, кто заставлял его сердце трепетать.

Чи Шэн поднял руку, и на его ладони заплясал язычок пламени. Он долго смотрел на него.

Лёд и пламя — две противоположности. Белый лебедь был божественным зверем ледяного корня, а он... он никогда не станет белым лебедем.

Он всего лишь никчёмный гадкий утёнок.

Раньше пределом его мечтаний были редкие встречи с Линь Фэйсянем в школе. Но теперь всё изменилось. Он должен стать как все: усердно тренироваться, зарабатывать нефритовые жетоны и сдать экзамены не ниже чем на «хорошо», чтобы заслужить признание учителя.

Выйдя из купели, Чи Шэн вытерся, оделся и, проглотив купленную пилюлю для укрепления духа, уселся на кровать, скрестив ноги.

В мире совершенствования существует шесть великих ступеней, и преодоление каждой из них — каторжный труд. И хотя Чи Шэн схитрил, поглотив чужое ядро, и формально достиг стадии Золотого Ядра, его реальная сила едва дотягивала до начального уровня Очищения Ци.

Он раскрыл взятую в Цзанцзин-гэ «Книгу о практике Очищения Ци» и начал медленно впитывать энергию пилюли. Духовная сила, едва заметная, текла по его каналам, прокладывая себе путь в забитых меридианах. После горячей ванны поры раскрылись, и энергия циркулировала чуть легче, ведомая знаниями из курса «Иглоукалывания ста каналов». Спустя полчаса всё тело Чи Шэна ныло от усталости, а в меридианах пульсировала тупая боль.

Он понимал, что на сегодня хватит — излишнее рвение только навредит. Однако разум его оставался непривычно ясным. Чи Шэн пересел за стол и раскрыл учебник для лекций по Золотому Ядру — «Главы об осознании истины».

Чтобы сдать экзамены, мало владеть мечом, нужно ещё и знать теорию.

Едва он бросил взгляд на первую страницу, как ряды иероглифов, казалось, ожили и принялись насмешливо чирикать, издеваясь над его непонятливостью.

Чи Шэн глубоко вздохнул.

«Познай Инь и Ян, проникни в суть сотворения, направь две ци по эклиптике, соедини три начала в изначальном дворце...»

Он захлопнул книгу.

«Познай Инь и Ян, про... про-ни-кни... в суть чего там?»

Снова открыл. А, в суть сотворения. Закрыл.

«Познай Инь и Ян, проникни в суть сотворения, направь две ци по эклиптике, со-еди-ни... что там в трёх дворцах?»

Открыл. Оказалось, три начала.

Внимательно перечитав строчку ещё раз и повторив её про себя десять раз, он снова решительно захлопнул книгу.

«...А какая была первая фраза?»

Чи Шэн замер.

Он с отвращением отодвинул от себя учебник. Нет, заучивать это — сущая пытка!

И вдруг перед глазами возник строгий лик Линь Фэйсяня. Учитель смотрел на него с явным разочарованием.

«И ты так легко сдаёшься? — казалось, вопрошал он. — Поистине, гнилое дерево не поддаётся резьбе. Ты безнадежен».

Чи Шэна словно током ударило. Он поспешно притянул книгу обратно и вновь погрузился в бесконечную битву с текстом.

В шестом часу утра, когда над храмом Сяньгун раздался крик журавля, Чи Шэн уже был на ногах. Умывшись и закрепив на голове нефритовую корону, он отправился на занятия в Цзюньцзы-шань.

Шёл первый день с тех пор, как Линь Фэйсянь покинул школу. Для Чи Шэна всё оставалось прежнему. Завтракать он не привык, поэтому пришёл в класс пораньше, чтобы избежать лишних встреч и занять место получше.

Сидя в пустом кабинете, он повторял вызубренное ночью, пока класс постепенно наполнялся учениками. С ним здоровались, и Чи Шэн вежливо кивал в ответ.

Оказавшись в мире людей, он усвоил один важный урок: если на чужое радушие отвечать холодно и заторможенно, люди быстро теряют интерес к разговору.

Эта тактика идеально подходила для его нынешнего положения. Чи Шэн был благодарен за внимание, но в душе чувствовал вину.

Простите, друзья, но я просто хочу быть незаметным утёнком.

Вскоре ученики перестали обращать на него внимание и разбились на группки. Все обсуждали одну новость: Линь Фэйсянь уехал, так кто же будет вести урок?

Ответ не заставил себя ждать. Один из старших учеников раздал каждому по линши, заранее подготовленному наставником.

Чи Шэн, следуя указаниям, направил в линши каплю духовной силы. В тот же миг перед глазами поплыл туман, сознание стало лёгким, и его перенесло в иное пространство.

Над головой раскинулось лазурное небо с белоснежными облаками, а под ногами лежала зеркальная гладь озера, отражающая небесную высь.

Чи Шэн стоял посреди этого безмолвия, сжимая в руке Линши.

Никаких следов классной комнаты, ни единого звука от соучеников. Он был здесь совсем один.

Впрочем, нет. Не один.

Линь Фэйсянь сидел неподалёку за низким столиком. Перед ним лежала цинь Нунсянь, а рядом курилась благовонная свеча, источая тот самый знакомый аромат холодного сандала.

Чи Шэн огляделся. Это что, Шуйюэ-цзин?

Неужели в этом камне запечатан Барьер Водной Луны наставника?

Чи Шэн с трудом унял неистовое сердцебиение и, подойдя ближе, тихо произнёс:

— Приветствую учителя.

Линь Фэйсянь не ответил. Его бесстрастный взгляд был прикован к струнам. Он сосредоточенно настраивал инструмент, даже не поднимая головы.

— Учитель? — Чи Шэн прибавил громкости.

Реакции не последовало.

Тогда он всё понял. Линь Фэйсянь не мог присутствовать лично, и перед ним был не настоящий человек, а заранее подготовленный фантом, созданный для индивидуальных уроков.

Прилежно усевшись напротив, Чи Шэн достал свою Фэйхуа-се и тоже принялся настраивать струны.

В тишине раздался холодный, лишённый эмоций голос наставника — он словно зачитывал текст по памяти:

—...Точка, плоскость, угол, скорость, сила — всё это требует предельного внимания при касании струны. Точка опоры, угол наклона... Представь, что под твоими пальцами расцветают цветы. Следуй ритму своего сердца, и тогда музыка обретёт гибкость, глубину и жизнь...

Формально Чи Шэн находился наедине с наставником. Но поскольку рядом не было живой души, его натянутые нервы постепенно расслабились. Почтительная дистанция, которую он так старательно соблюдал вначале, начала незаметно сокращаться.

Опомнился он лишь тогда, когда обнаружил, что сидит вплотную к столу Линь Фэйсяня, не отрывая пылающего взгляда от его длинных, белых пальцев, порхающих над струнами.

В обычное время он никогда бы не осмелился на такую дерзость.

Но сейчас, балансируя на грани благоразумия, он невольно протянул руку. Подавшись вперёд, Чи Шэн шаловливо задел струну на цине Нунсянь Линь Фэйсяня. Раздался резкий, неуместный звук.

— Учитель... — прошептал Чи Шэн, прощупывая почву.

Линь Фэйсянь промолчал.

— Учитель! — позвал он снова.

Фантом оставался невозмутим.

Чи Шэн закусил губу. Соблазн был слишком велик. Словно играя с огнём, он легонько коснулся пальцев наставника и тут же отдернул руку, испугавшись собственной смелости.

Сердце колотилось в горле. Чи Шэн замер, во все глаза глядя на Линь Фэйсяня.

Тот ничего не замечал и продолжал играть.

Дыхание Чи Шэна сбилось. Он медленно подался вперёд, к этому лицу, похожему на безупречный белый нефрит. Его рука потянулась к едва заметной родинке возле глаза.

Чи Шэн осторожно коснулся кончиком пальца щеки наставника. Несмотря на то что это была лишь иллюзия, он почувствовал едва уловимое, живое тепло.

И в этот миг Линь Фэйсянь, чей взор доселе был опущен, внезапно вскинул голову. Он уставился прямо на Чи Шэна холодным и прозрачным, как горные ключи, взглядом.

— Проказничаешь?

<http://bllate.org/book/17515/1657886>